

распоряжаться своей жизнью, а иной взваливает на себя груз ответственности и тянет ярмо покуда силы есть. Время всё расставит на свои места.

Долг и свобода – извечная дилемма и константа. Вспоминая классику советского детского кинофильма, вижу, как наяву, таз с водой, из которого торчит костлявая рука Чуда-Юда, которое напоминает царю Еремею: дескать, за тобой-то «должок»! Еремей, естественно, озадачивается и восклицает: «Дождались...» Плохо ли это или хорошо, каждый волен решать сам, но чувство долга, ответственности и тот самый свиток «моральных задолженностей» наверняка хранится на периферии сознания и иногда напоминает о себе, отрезвляя и указывая, что помимо праздной и беззаботной жизни существуют те самые обязанности и повинности, о которых забывать не стоит. Сыновий долг и долг отеческий, долг перед родиной (как бы немодно это сейчас ни звучало), долг перед теми, кто когда-то протянул руку помощи, подставил плечо и направил. Человеку свойственно забывать хорошее и по прошествии времени воспринимать всё, что свершилось, как само собой разумеющееся. Открытые возможности – данность, доброта – слабость, милосердие, сострадание – так, пустячок. И, конечно же, любимая, звучащая рефреном у всех эгоистов фраза: «А я не просил вас для меня это делать, следовательно, вам я ничего не должен!» Такие речи, как снятие с себя обязательств, отказ делать что-либо из чувства долга, а точнее, полное игнорирование его – путь по кривой дорожке. Эта дорожка, шаткая, ветхая, разваливающаяся под ногами, наверное, тоже не содержалась в должном порядке. А зачем? Никто ведь не обязан её делать, чинить. Каждый, как известно и провозглашено, теперь может делать лишь то, что исключительно ему по душе. Вот родится на белый свет человек, влюблённый в дорожки и помешанный на реставрации, он пусть и делает, а я, дескать, здесь не для того, я пришел украсить этот мир собой и собрать все цветы удовольствия.

Чувство долга и ощущение свободы в дозволенных пределах – это якорь и крылья. И если крылья рвутся покинуть землю и витать в облаках, то якорь заземляет, напоминая о том, что всё имеет свой конец, свое начало. Птица, парящая в небе, стремится свить гнездо и найти пропитание для птенцов, это её инстинкт и обязанность. Человеку, принявшему, помимо прочего, дар быть творцом и самостоятельно выбирать стезю и предназначение, путь, не стоит упускать из вида и забывать, кто он и откуда. Те законы и уклад, перешедшие к нам от протонародов и общин, потому и дошли до нашей бытности, что складывались в процессе эволюции, которая справедливо отсекает всё излишнее, оставляя необходимое.

Долг красен не только платежом, как гласит народная мудрость, но и тем, что сохраняет в человеке желание не только брать, но и давать и отдавать. Долг не претит свободе, не ограничивает её, а лишь напоминает, что свобода возможна там и тогда, где четко и своевременно платят по счетам и исполняют долг.

Елена РАДОСНОВА

ПРО ПУГОВИЦЫ

Давным-давно кто-то придумал одну элементарную вещь – петелька и бляшка с дырками. Просто и гениально! Петля и пуговица. Гнездо и птица. Что-то очень мелкое, несущее в себе черты личности, своей или отраженной, неважно, она – мир.

Мы выбираем пуговицы к костюму, подбираем им пары, ищем выигрышные сочетания. Пуговица вбирает в себя характер, настроение, образ, так аккумулирует всё это и потом хранит долгие годы. У любой женщины есть (или была до расхламления) коробка-сундучок с пуговицами. Эта от любимого платья, а эта – от того пальто, помнишь? А эта, похожая на леденец, с детской кофточки, всегда хотелось лизнуть. А вот эта просто красивая, я её у тети выпросила. А вот эту я нашла у порога весной, она от папиного старого-старого плаща, он потерял её осенью, мне хотелось, чтоб он перестал носить этот плащ, и я не искала замену той пуговице, зимой он перестал его носить, его не стало, а пуговица нашлась после поминок, дома, у порога, провожала, наверное...

Человек умеет держать в ладонях мир – горсть семян, монет, воды, песка, пуговиц. Это наше время, наше богатство, наша жизнь – полной горстью и ценить, ценить каждую каплю, каждую песчинку. У каждой пуговички есть своя петля в нашей памяти. Мамина блузка, папин пиджак, просто бабушкины старинные, ты их не знаешь, вещи, к которым они были когда-то пришиты, но знаешь эти пуговицы: они застегнули время.

В ПОИСКАХ ПРОПИСНОЙ ИСТИНЫ

...и помня, что «мысль изреченная» уже не совсем правда...

Искусство и допустимая мера. Каждый раз, натыкаясь, начинаешь решать этот вопрос для себя. Каждый раз поднимается буря протеста, и в ответ – реакция защитников свободы искусства. Витки спирали наслаиваются один на другой. Когда-то религии приносили человеческие жертвы, потом гуманизм подставил животных, потом решили обойтись благовониями и деньгами. Когда-то человек ел только добычу или не ел. Теперь поднимают на флаг вегетарианство или иные способы конструирования еды. Хотя, мне всё же кажется, что это от сытой жизни. В глухой деревне всё останется на своих местах – рацио для выживания, только прагматика, без сантиментов и прочей эмоциональной шелухи. Деревенскому жителю не придет в голову договариваться с крысой и заводить с ней дружбу, если он увидит, что крыса угрожает домашней живности или, не дай бог, ребенку.

Какие-то вещи в искусстве тоже от сытой жизни. Громадное полотно с агрессивной эстетикой не повесишь в небольшой комнате или квартире, в которой находишься постоянно. А в особняке с музейной комнатой – почему нет.

Эпатаж и высказывание на злобу дня – тоже важные вещи. Тенденции развития общества нужно отслеживать, отражать, рефлексировать. Когда вы видите отражение в зеркале, то видите не себя, в этом неразгаданная и всегда волнующая тайна зеркал. Так и произведение искусства. В нём застывает время и наш совокупный образ, смотреть на который иногда смешно, а чаще страшно. Летопись времени, и именно оно решит, что останется потомкам.

Отклик на реальность – это одна сторона, другая – воспитание души, своей или зрительской. Но это весьма условная задача. Каждый подсознательно сопротивляется воспитанию и переформатированию своей матрицы, и не у всех получается сопротивляться долго. Гламур и его последователи тому пример. Шокотерапия встряхивает сознание, но она лупит, не дозируя силу удара, по всем без разбора. Кому-то как слону дробинка, кому-то полбашки сожжет. Плюс возникает привыкание к боли. Если вам покажут труп, вы будете шокированы, первый раз до обморока, второй и третий перехватит дыхание, к двадцатому привыкнете, на сотом – подвинете и позавтракаете рядом. Спросите врачей,

они вам историй из анатомички понараскажут. Или наши телешоу – первая драка в эфире – ужас, сейчас шоу без драки кажется пресным, следующий шаг – смерть на экране? Психика привыкает к разврату. Для меня это только вопрос личной ответственности – на что ты согласен. Воспитывать других нельзя и неэффективно, даже собственных детей. Они как-то сами воспитываются.

А ты выбираешь, каждый раз выбираешь, и отвечаешь за свой выбор. Ведь даже позвонить в школу и сказать, что твой детка сегодня, «ах, болеет, голова-горло-живот», а детка просто проспал и прогуливает, по сути – лжесвидетельство. Да, не карается, но записано в вашу карму.

Я ничего не понимаю в литературе, всю жизнь читала, читала много, разное, не занимаясь анализом, не сильно запоминая авторов (прошу у них прощения, оптом). Но читала не те основные списки – 100 книг, которые... или 10 книг в дорогу, или 5, или... короче, мимо рейтинга. Еще в школе предпочитала читать параллельно программе, поэтому не знаю «основных», опорных произведений. Не могу их цитировать. Забавно только, что проселочными дорогами в литературе я всё равно вышла к сегодняшнему дню. Наверное, многие авторы писали и размышляли, в сущности, об одном и том же.

Я ничего не понимаю в поэзии. Всегда читала стихи для себя, отвечая на собственные вопросы, чувства. Не разбирая на разрешенные, запрещенные, непечатные, конъюнктурные. Просто читала всё, что попадалось в разных изданиях. Мои воспоминания о текстах не отсортированы, лежат на одной полке, и порядок там наводить уже поздно. А восприятие штампа некоторым образом зависит от первой прочитанной вещи, иногда второй попадаетея в руки читателя первым.

Я ничего не понимаю в любви. Вздох, «амор, и глазами...»? Любую (почти) страсть можно уgomонить дыханием, физическими нагрузками, делом, психологией наконец. Если захотеть, конечно, если контролировать животные инстинкты. Да, можно выпустить своих демонов на свободу, а можно управлять ими. В каждом случае чем-то жертвуем и выбираем. А повздыхать при луне... почему нет, когда впереди вечность и нет ответственности за детей и хозяйство. Любовь в смысле «амор» не предполагает ответственности. Длительные отношения туда не впишешь. Понимание своей животной и разумной природы приводит не к словам, а к способу существования и пониманию этой природы в других.

Я ничего не понимаю в мужчинах, да и в женщинах тоже. Могу проанализировать их слова и поступки в эмоциональных отражениях – жестах, мимике, интонации. Как любое отражение, оно не объективно. Но я совершенно не могу понять что-либо с полувзгляда, как это показывают в нынешних сериалах, когда герои настолько «на одной волне», что совершенно безошибочно ведут диалог, без недопонимания.

Я ничего не понимаю в эссе, просто пришла к выводу, что эссе – это мокрая тряпка, отжав которую, мы получим полотно поэтического текста.

